

Вся жизнь как на ладони...

Член общественного совета МО Звездное, член Совета ветеранов **Антонина Ивановна Игнатова** всю свою жизнь живет в нашем Московском районе. Пятилетней девочкой ей довелось оказаться в блокадном городе. Блокада подорвала ее здоровье: как у большинства людей того поколения у нее была непростая послевоенная юность. А все равно о самой себе она говорит сегодня: я счастливая. И рассказывает о прожитых годах так.

Это было недавно —
это было давно

— К началу войны нас у мамы было уже трое, а ей-то самой всего 19 лет, — начинает рассказ Антонина Ивановна. — Папу забрали на фронт. А

нам пришлось пережить трудный период. Мама отказалась ехать в эвакуацию, ведь никто же тогда не знал, что нас ожидает. Она сказала: «Погибнем, так дома». К счастью, в наш дом не попало ни одного снаряда, хотя жили мы на последнем, четвертом, этаже напротив Новодевичьего монастыря. Мама работала на трамвае. Уходила, бывало, на несколько суток, а мы оставались с бабушкой — маминой няней, ее звали Анна Наумовна. Она и нас вырастила тоже.

Помню, как прямо во двор падали снаряды. Мы не боялись, наверное, не понимали еще толком ничего. Выбегали во двор, коллекционировали осколки, играли с ними.

Продолжение на 4 стр.

Вся жизнь как на ладони...

Продолжение. Начало на 1 стр.

Во дворе стояли зенитки, ходили военные. Сначала мы еще посещали детский сад, потом он закрылся. Чтобы не умереть с голоду, мы с сестрой сажали картошку, потому у меня сейчас и ревматизм, что по холодной земле босиком ходила в

после отбоя воздушной тревоги мы увидели убитую лошадь, принадлежавшую воинской части, стоявшей неподалеку. И дети, и учителя тут же стали резать эту лошадь. Достался и нам кусочек. Вот так и выживали. На всю жизнь запомнила учительницу — Евге-

сентябре. Помню, давали еще солововое молоко и хвойную настойку от цинги, но все равно она нас не миновала. У меня от цинги болела нога, и в какой-то момент ее хотели даже ампутировать. Помог случай. Как-то мы с бабушкой шли в поликлинику на перевязку, а навстречу нам строем — солдаты. Они

нию Ивановну. Она была мне как родная мать. Она и сейчас стоит перед глазами, как живая: в своем вечном сереньком свитерке. Четыре года она нас учила и очень заботилась о нас.

...Отец вернулся с фронтов 1945

нашу группу распределили в ателье в Колпино. Это была романтика! Тогда еще электричек не было, и мы на работу ездили на «паровике». Представляете, группа в 30 человек едет! На работу надо было к семи утра, бывало, что и опаздывали. Но нам повезло с директором, Яковом Давыдовым, который нам все прощал. Он знал: когда надо было усиленно поработать для выполнения плана, мы работали безотказно — даже в выходные. У нас в ателье был закройщик, который недавно вышел из заключения. В свое время его арестовывали как врага народа, а до ареста он работал секретарем ЦК партии Украины. Звали его Давыд Аронович Маргулис. Мы с ним как-то подружились, и он уговорил меня вступить в партию, даже дал рекомендацию. После того, как я стала членом партии, мне предложили возглавить ателье по ремонту одежды, которое открылось на Пулковской, 11. А было мне всего 20 лет! Но я справилась и работала всегда успешно. Наше ателье занимало призовые места. Обо мне даже писали в газете «Вечерний Ленинград». Потом я перешла в ателье «Люкс» — на Московском 125, где и работала до самой пенсии. Так что в моей трудовой книжке

бочки делаю. Меня как-то и заметили. Подошла ко мне женщина и говорит: «Не хотите в Совете ветеранов поработать?» Я согласилась. И вот восемь лет я работаю в Совете ветеранов. Лично у меня шесть домов, за которые я отвечаю. У нас замечательное муниципальное образование, которое старается привлекать нас ко всем праздникам и интересным делам. Для нас организовывают экскурсии по городу и пригородам — в комфортабельных автобусах, часто с обедами. Концерты хорошие проводят по праздникам. И

случай. Как-то мы с бабушкой шли в поликлинику на перевязку, а навстречу нам строим — солдаты. Они увидели, что у меня перевязана ножка, что я хромаю, и подозвали бабушку. Тогда на фронте только появилась стрептоцидовая мазь, ею-то они и поделились с нами. Мне стали мазать ножку, и я пошла на поправку. До сих пор благодарна им всем, хотя их, наверное, уже нет и в живых... А еще в блокадном городе мы, дети, собирали лебеду, из которой бабушка жарила котлетки на олифовом масле. Когда горели Бадаевские склады, вся ребятня бегала туда искать жезный сахар.

Во время обстрелов мы отсиживались в туалете, потому что три его стены были капитальными. Мне кажется, что у нас был хороший управдом; к зиме он пришел к нам и забил все окна фанерой, потому что взрывной волной в них давно повыбивало стекла. А когда стало холодно, то мы утеплили окна всеми своими подушками и одеялами. Жили в темноте. Помню, мышатки бегали у нас прямо под ногами — тоже голодные. Мы с ними играли, бантики им призывывали на хвостик.

Несмотря на то, что я была еще маленькая, все равно вместе с сестрой ходила в школу. Как Филиппок, потому что там можно было поесть. Школа находилась у Московских ворот. Правда, всю блокаду работала только одна школа в районе — 373-я — на Заставской улице. Ее окончила с золотой медалью моя старшая сестра. Когда мы шли в школу, бывало, начинался обстрел и падали снаряды, но нас от беды бог уберег. Мы глупыми были, разглядывали воронки, прыгали в них. Однажды во дворе школы

...Отец вернулся с фронта в 1945

364 Женская школа. Ленинграда 1950.

году. Было поздно, когда он постучал в дверь. Он воевал на Ленинградском фронте. А вообще в их семье было пять братьев. Мой дядя, самый младший из братьев, как-то сделал фотомонтаж всех их — оставшихся в живых и погибших на войне за Ленинград. Их призвали на фронт такими молоденькими! Я помню, как двое из них — Никифор и Вениамин — зашли к нам перед отправкой на фронт в новеньких тулупчиках. Красивые. А потом их повезли на Пулковские высоты, и в тот же день они там погибли.

Моя старшая сестра была очень способной девочкой, она училась исключительно на пятерки. Позже в институте она получала даже Сталинскую стипендию. А я любила побегать и на уроках в куклы играла, шить им любила. Учительница по географии говорила маме: «Быть ей портнихой». Так и случилось. Я узнала, что есть швейное училище, четырехгодичное, и поступила туда. А после окончания получила самый высокий, восьмой, разряд. Вск

Так что в моей трудовой книжке

только одна запись: Управление «Ленинградодежда». В 90-е годы, когда я уже была на пенсии, коллектив уговорил меня снова поработать. Таким образом, еще четыре года я отработала директором ТОО «Люкс». А в 60 лет уже окончательно по состоянию здоровья ушла на пенсию.

Сегодня я живу так

...Дома я развожу цветы, клум-

— в комфортабельных автобусах, часто с обедами. Концерты хорошие проводят по праздникам. И депутаты у нас хорошие — В. Ягья и П. Зеленков, на мероприятия к нам приходят. 9 мая нас в такой ресторан пригласили — просто сказка — это такое уважение к ветеранам! Был оркестр, который играл именно нашу музыку, а солист пел наши любимые песни.

Дочь меня иногда журит, когда я подолгу сижу у телефона. Ведь, если звонишь ветерану, — это значит, с ним надо поговорить. Иногда посижу у телефона и поднимается давление. Дочь говорит: «Бросай эту работу!» Но я отвечаю, что никогда не брошу, потому что тогда просто потеряю себя. Я этим живу.

Вообще, я хочу сказать, что жизнь прожила счастливую, несмотря на то, что рано рассталась с мужем. У меня есть дочь, прекрасная родня, много друзей. Я получила то образование, которое хотела. Работала по профессии. Сейчас тоже не оторвана от жизни. И меня уважают люди.

Записала Светлана ПАВЛОВА